

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800019459-0

К вопросу о литературном фоне “Бориса Годунова” А. С. Пушкина (трагедия М. М. Хераскова “Борислав”)

© 2022 г. А. В. Семенова

Кандидат филологических наук,
старший преподаватель Казахстанского филиала МГУ имени М.В. Ломоносова,
Казахстан, 010000, г. Нур-Султан, ул. Кажимукана, д. 11
anastasia_semenova@list.ru

Резюме. В статье рассматриваются некоторые общие места в трагедиях “Борислав” М.М. Хераскова и “Борис Годунов” А.С. Пушкина. Сюжеты, композиция и поэтика произведений в корне различны, однако обнаруживается сходство ряда мотивов и черт, присущих главным героям — Бориславу (“царю Богемскому”) и Борису Годунову. Оба правителя условно низкого происхождения, добиваются власти жестокими методами, видятся окружающим тиранами, вследствие чего обоих терзает нечистая совесть, что выражается в почти аналогичных образах — кровавых призраках или тенях жертв, являющихся Бориславу и Борису и создающих ощущение персонального внутреннего ада героев. Близкими в трагедиях представляются бесплодные попытки правителей снискать признательность подданных, виновность в несчастье дочерей (действительная и мнимая), мотивы неблагодарности народа, измены и мятежа. Перечисленные параллели позволяют говорить о близком знакомстве Пушкина с трагедией Хераскова и определенном влиянии “Борислава” на “Бориса Годунова”.

Ключевые слова: М.М. Херасков, А.С. Пушкин, “Борислав”, “Борис Годунов”, трагедия.

Для цитирования: Семенова А.В. К вопросу о литературном фоне “Бориса Годунова” А.С. Пушкина (трагедия М.М. Хераскова “Борислав”) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 2. С. 54–59. DOI: 10.31857/S160578800019459-0

On the Question of the Literary Background of “Boris Godunov” by A. S. Pushkin (the Tragedy by M. M. Kheraskov “Borislav”)

© 2022 Anastassiya V. Semenova

Cand. Sci. (Philol.),
Senior Lecturer at Kazakhstan branch of Lomonosov Moscow State University,
11 Kazhimukan Str., Nur-Sultan, 010000, Kazakhstan
anastasia_semenova@list.ru

Abstract. The article deals with two tragedies — “Borislav” by M.M. Kheraskov and “Boris Godunov” by A.S. Pushkin; some common places in the texts of works are established. The plots, composition and poetics of the tragedies are fundamentally different, but there is a similarity in a number of motives and features inherent in the main characters — Borislav (“king of Bohemia”) and Boris Godunov. Both rulers are of conditionally low origin, they achieve power by harsh methods, they are seen as tyrants around, as a result of which both are tormented by an unclean conscience, which is expressed in almost similar images — bloody ghosts or shadows of the victims who appear to Borislav and Boris and create a feeling of personal inner hell of the heroes. Other similarities include the fruitless attempts of the rulers to win the gratitude of their subjects, the guilt in the misfortune of their daughters (real and imaginary), the motives of the ingratitude of the people, treason and rebellion. These parallels allow us to talk about the close acquaintance of A.S. Pushkin with the tragedy of M.M. Kheraskov and of certain influence of “Borislav” on “Boris Godunov”.

Key words: M.M. Kheraskov, A.S. Pushkin, Borislav, Boris Godunov, tragedy.

For citation: Semenova, A.V. *K voprosu o literatutnom fone "Borisa Godunova" A.S. Pushkina (tragediya M.M. Kheraskova "Borislav")* [On the Question of the Literary Background of "Boris Godunov" by A.S. Pushkin (the Tragedy by M.M. Kheraskov "Borislav")]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 2, pp. 54–59. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800019459-0

Трагедия М.М. Хераскова "Борислав", вышедшая отдельным изданием в 1774 г. и перепечатанная в 4-й части "Российского Феатра" в 1786 г. [1], не упоминается в многочисленных работах о литературных и исторических источниках пушкинского "Бориса Годунова", как и в комментариях к новейшему академическому изданию драматических произведений Пушкина [2]¹ и известных комментариях О.Г. Винокура [3], Б.П. Городецкого [4] и Л.М. Лотман [5]. На наш взгляд, "Борислав" Хераскова относится, по крайней мере, к литературному фону трагедии Пушкина. В "Драматическом словаре" (1787) сообщается, что на сцене "Борислав" был поставлен в ноябре 1772 г. и что "вся трагедия была сочинена под другими именами; некоторые обстоятельства принудили переменить оные и поставить вымышленные. Причем должно упомянуть, что пятой акт совсем переменен и при выборе других имен сочинен новой" [6, с. 27]. В опубликованной в 1774 и 1786 гг. редакции тиран Борислав, "царь Богемский", замышлявший зло против своей дочери Флавии и ее добродетельного жениха Пренеста, "князя Варяжского", в финале раскаивается и отрекается от престола в пользу последнего. Переиздавая трагедию в своих "Творениях" в 1798 г. [7, с. 261–335], Херасков вновь изменил финал, здесь Борислав погибает как нераскаянный злодей: насильственно свергнутый с престола, он "вынув яд поглощает" [7, с. 334]. По предположению Ю.В. Стенника, здесь писатель "...вернулся к первому варианту, восстановив переработанные ранее места" [8, с. 87–88]. Однако это не коснулось имен действующих лиц: они остались такими же, как в первой опубликованной редакции, т.е. "вымышленными". Какие же были "другие имена" в первоначальной, не дошедшей до нас версии трагедии — об этом уже давно догадались исследователи. Г.А. Гуковский высказался прямо и однозначно: "Из содержания трагедии ясно, что герой ее, тиран, — это Борис Годунов (героиня, Флавия, — Ксения). Очевидно, цензурный нажим заставил Хераскова заменить Бориса Бориславом;

а по его замыслу рядом с сумароковским изображением тирана, Дмитрия, должно было стать изображение другого узурпатора и тирана, также русского царя и той же эпохи Бориса" [9, с. 187]. О том же писал и А.В. Западов: "Нетрудно по содержанию пьесы восстановить замысел поэта: Борислав — это Борис Годунов, Флавия — его дочь Ксения" [10, с. 48].

Специальных работ о "Бориславе" Хераскова не было, а в немногочисленных попутных суждениях об этой трагедии, как правило, отмечается, что она написана вслед за трагедией А.П. Сумарокова "Димитрий Самозванец" (1771), через год после нее (кроме процитированных выше работ, см.: [11, с. 326]; [12]). У заглавных героев в "Бориславе" Хераскова и пушкинской трагедии один и тот же исторический прототип — Борис Годунов, уже поэтому есть необходимость в сопоставлении двух этих произведений (ранее, насколько нам известно, не предпринимавшемся). В настоящей статье мы ссылаемся на версию "Борислава", вошедшую в состав "Российского Феатра" [1], так как она стала известна читателям раньше, к тому же, как нам кажется, раскаявшийся в финале Борислав несколько больше походит на пушкинского Бориса.

На первый взгляд, "Борислав" и "Борис Годунов" имеют мало общего. Херасков совсем не претендует на историчность трагедии: действие происходит в Богемии, сюжет вымышлен, конфликт типично классицистический (отец-тиран разлучает влюбленную пару), а главный герой, помимо созвучия имени, не похож на исторический прототип; Пушкин же, напротив, отчетливо обыгрывает близкую к карамзинской версию исторических событий и создает вполне правдоподобный образ царя Бориса. Однако сопоставление текстов произведений Хераскова и Пушкина позволяет выявить несколько любопытных параллелей.

У Хераскова и Пушкина Борислав и Борис занимают трон не по праву рождения, высшая власть далась обоим непросто, и ради нее герои, поднявшиеся "из низов", готовы на многое. В пушкинской трагедии в отсылках к биографии Бориса Годунова нет нужды — исторический прототип хорошо известен читателю; Херасков

¹ Здесь упоминается другая трагедия Хераскова — "Освобожденная Москва" (1798), отмечается сходство мотивов в монологе князя Димитрия (Трубецкого) в этой трагедии с одним из монологов пушкинского Бориса (см.: [2, с. 660]).

же вкладывает в уста своего персонажа нужную информацию:

Ты знаешь, что рожден я в бедном состоянье,
Во мраке, где меня скрывала нищета,
Я шел, и к счастью себе отверз врата;
Мне тысячи препятств в сем деле предстояли,
Мечи против меня со всех сторон блистали;
Я видел молнии, я слышал гром с небес!
Но грудь не робкую против перунов нес.
Сквозь множество препятств отверз я путь ко трону,
И строгость распростер престола в оборону...
[1, с. 190–191]

Вероятные воинские подвиги Борислава и иные преодоленные им препятствия перекликаются с биографией Бориса Годунова, к примеру, заметной ролью последнего в отражении набега крымского хана Мурат Гирея, как это изображалось историками XVIII века (см., например, у В.Н. Татищева: [13, с. 511]). У Пушкина о непростом пути к трону Годунова напоминают злые намеки Шуйского:

Перешагнет; Борис не так-то робок!
Какая честь для нас, для всей Руси!
Вчерашний раб, татарин, зять Малюты,
Зять палача и сам в душе палач,
Возьмет венец и бармы Мономаха... [2, с. 13]

Один из общих мотивов в трагедиях Хераскова и Пушкина — преступления царей ради власти и, как следствие, нечистая совесть, которая терзает Борислава и Бориса, являя героям кровавые призраки их жертв (причем у Борислава их значительно больше), — в данном случае авторы используют очень схожие образы. Так, например, Борислав говорит о себе:

Здесь тени из гробов кровавы восстают!
Дрожи! тиран, дрожи! они мне вопиют... [1, с. 210]

И рядом:

...До самой царския приятныя степени,
За мною следуют мучительныя тени!
Кровавыми мои мне кажутся следы!
Где скроюсь от сей напасти и беды!
Ад стонет подо мной; меня он в жертву просит.
[1, с. 209–210]

Облеченные властью, персонажи Хераскова и Пушкина пребывают в персональном аду, что создает контраст между статусом и мироощущением героев, обостряет внутренний конфликт, как в сумароковском “Димитрии Самозванце”. У Пушкина, вероятно, наблюдаем перекличку с Херасковым:

Душа сгорит, нальется сердце ядом,
Как молотком стучит в ушах упрек,
И все тошнит, и голова кружится,

И мальчики кровавые в глазах...

И рад бежать, да некуда... ужасно!
Да, жалок тот, в ком совесть нечиста. [2, с. 27]

Помимо собственных грехов, Бориславу и Борису одинаково не дают покоя неблагодарность и нелюбовь подданных, о благе которых радуют правители, но их попытки править достойно трактуются превратно:

Вот мне от подданных за все труды отплата;
Ах! подлинно, что трон спокойной жизни трата. [1, с. 169]

И ниже:

Доныне кроют яд злодейския сердца,
Завидующия сиянию венца;
Заочно судят нас, мои поступки числят,
Что я ни делаю, о всем развратно мыслят,
Противящийся враг спокойству моему
Внушил вельможам то и городу всему,
Что я отечество свое пренебрегаю,
В несчастье подданных блаженство полагаю.
[1, с. 173–174]

Борислав все же лукавит, его слова обусловлены боязнью потерять трон из-за варяжского князя Пренеста, жениха дочери, который слишком популярен в народе. В отличие от него, пушкинский Борис кажется вполне искренним, но в остальном в монологах персонажей заметно пересечение мотивов:

Мне счастья нет. Я думал свой народ
В довольствии, во славе успокоить,
Щедротами любовь его снискать —
Но отложил пустое попеченье:
Живая власть для черни ненавистна,
Они любить умеют только мертвых.
Безумны мы, когда народный плеск
Иль ярый вопль тревожит сердце наше!
<...>
Вот черни суд: ищи ж ее любви. [2, с. 27]

Нет, милости не чувствует народ:
Твори добро — не скажет он спасибо;
Грабь и казни — тебе не будет хуже. [2, с. 80]

Любопытно, что, кроме подданных, против правителей, кажется, сам рок — кара за преступления и занятие трона без подлинного права на то либо несчастливое стечение обстоятельств. Так или иначе, но Борислав и Борис не в силах побороть негативное отношение к себе, что в случае с Бориславом более закономерно — он сознательно становится тираном и отрицает честь и добродетель:

Какова средства я к спокойству ни ищу,
Всем ужас навожу, и сам я трепещу!
Но должны ль быть мои труды пренебреженны,
Для получения короны положенны,
Я в жизни не имел спокойного часа,

До самой крайности прогневал небеса,
Они мне кажутся и мрачны и суровы;
Свой гром против меня всегда метать готовы!
Каким спастись путем в смятении таком!
Любленьем честности... Мне путь сей не знаком.
Не руководствует нигде мне добродетель:
И подданным я стал гонитель, не владетель!
[1, с. 188–189]

Борис у Пушкина, напротив, предпринимает всевозможные меры, чтобы оправдать свой статус и заслужить признательность народа, но практически с тем же результатом, что у Борислава, — его объявляют виновником всех бед:

Бог насылал на землю нашу глад,
Народ завыл, в мученьях погибая;
Я отворил им житницы, я злато
Рассыпал им, я им сыскал работы —
Они ж меня, беснуясь, проклинали!
Пожарный огонь их дома истребил,
Я выстроил им новые жилища.
Они ж меня пожаром упрекали! [2, с. 27]

Для полноты образа тирана в обеих трагедиях царям вменяется в вину несчастье дочерей — Флавии у Хераскова и Ксении у Пушкина. Борислав действительно готов отослать, а потом и казнить Пренеста, и слезы дочери его не смягчают, ибо власть дороже (вокруг этого строится конфликт трагедии); пушкинский Борис желает Ксении счастья и вовсе не несет ответственности за гибель ее жениха, он страдает, наблюдая скорбь дочери, но молва все равно приписывает вину ему (у Пушкина это лишь несколько штрихов в общей картине). В итоге Борислав и Борис в глазах окружающих оказываются злодеями, и оба это осознают, хотя Борислав признает себя таковым, Бориса же тяготит несправедливость.

Борислав говорит:

Отъ Флавии ее Пренеста отдаю,
И тайною рукою заочно погублю:
Но знаю то, что дочь передо мной восстонет;
О дух мой, иль тебя и женска слабость тронет!
Когда в злодействах я не трепетал небес,
Могу ль девических бояться я слез?
Стеня несчастна дочь и не щади ты стона;
Дороже мне тебя мой скипетр и корона. [1, с. 172–173]

Ср. слова пушкинского Бориса:

В семье моей я мнил найти отраду,
Я дочь мою мнил осчастливить браком —
Как буря, смерть уносит жениха...
И тут молва лукаво нарекает
Виновником дочернего вдовства
Меня, меня, несчастного отца!..
Кто ни умрет, я всех убийца тайный:
Я ускорил Феодора кончину,
Я отравил свою сестру царицу,
Монахиню смиренную... всё я! [1, с. 27]

Предвзятое отношение вельмож и народа к Бориславу и Борису влечет за собой измену, предвещающую мятеж, — еще один общий мотив у Хераскова и Пушкина, который сюжетно обгравывается по-разному. Борислав одержим идеей измены и своими действиями приближает мятеж, вокруг Бориса зреет недовольство в силу ряда обстоятельств, а непосредственной жертвой смуты становится наследник царя — Федор Борисович, и все же схожие моменты в текстах трагедий прослеживаются. В "Бориславе" читаем:

Не знаешь, видячи везде следы измены!
Все полны улицы, все полны градски стены
Коварств, смятений, злодейства, мятежа;
Как в аде мучусь я Богемией княжа... [1, с. 169]

В "Борисе Годунове" примечательны диалог Пушкина и Басманова и вывод последнего:

Пушкин

Я сам скажу, что войско наше дрянь,
Что казаки лишь только селы грабят,
Что поляки лишь хвастают да пьют,
А русские... да что и говорить...
<...>

Басманов

Он прав, он прав; везде измена зреет... [2, с. 85–86]

Басманов, будучи верным правителю вельможей, в конечном счете склоняется к измене. У Хераскова Вандор, верный советник Борислава, в итоге все-таки предлагает венец Пренесту. Обстоятельства разные, но исход один и тот же — Басманов и Вандор оказываются на стороне противников царя, которому прежде верно служили.

В целом, однако, заглавные герои трагедий Хераскова и Пушкина, как и сами произведения, очень различаются. В образе Борислава отрицательные черты — жестокость, доходящая до кровавности, упрямство, подозрительность, одержимость идеей предательства — гипертрофированы, Херасков создавал собирательный образ классического царя-тирана по примеру Сумарокова. Пушкин же, следуя за Карамзиным, который акцентирует внимание на преступлениях Бориса и, в частности, прямо обвиняет его в убийстве царевича Димитрия (см.: [14, с. 128–144]), все же осторожничает: против Бориса свидетельствуют Шуйский, Пимен и юродивый Николка, но сам царь в организации убийства царевича не признается, неблагоприятных поступков в трагедии не совершает и предстает скорее жертвой обстоятельств, нежели злодеем на троне. Образ Борислава выписан преимущественно черными красками в соответствии с четким разграничением

положительного и отрицательного, присущим классицизму, Херасков даже увлекается демонизированием персонажа. Пушкинский Борис неоднозначен, как и исторический Борис Годунов.

Однако на фоне общего несходства “Борислава” и “Бориса Годунова” просматривается несколько переключек между ними — акцент на целенаправленном возвышении правителей в обход препятствий и конкурентов, нечистая совесть, неприятие подданными и облик тирана в их восприятии (Борислав ему полностью соответствует, а Борис — только отчасти), бесплодные старания снискать признательность народа (сомнительные в случае Борислава, искренние — у Бориса), виновность в несчастье дочерей (у Борислава — действительная, у Бориса — мнимая, но оцениваемая молвой как действительная), мотивы измены и мятежа. У Пушкина, кажется, нет прямых аллюзий на трагедию Хераскова (можно было бы указать разве что на образы кровавых призраков, мерещущихся Бориславу и Борису), но обозначенные параллели позволяют говорить о том, что, создавая “Бориса Годунова”, Пушкин принимал во внимание “Борислава” и отчасти вторил некоторым его моментам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Херасков М.М. Борислав, трагедия // Российский Феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений. Ч. 4. СПб.: при Имп. Акад. наук, 1786. С. 165–222.
2. Пушкин А.С. Полн. собр. сочинений: В 20 т. Т. 7: Драматические произведения / Редакторы тома М.Н. Виролайнен, Л.М. Лотман. СПб.: Наука, 2009. 1069 с.
3. Винокур Г.О. Собрание трудов. [Т. 3]: Комментарии к “Борису Годунову” А.С. Пушкина. М.: Лабиринт, 1999. 414 с.
4. Городецкий Б.П. Трагедия А.С. Пушкина “Борис Годунов”: Комментарий. Л.: Просвещение, 1969. 184 с.
5. Лотман Л.М. Историко-литературный комментарий // Пушкин А.С. Борис Годунов. СПб.: Академический проект, 1996. С. 129–359.
6. Драматический словарь, или Показания по алфавиту всех российских театральных сочинений и переводов, с означением имен известных сочинителей, переводчиков и слагателей музыки, которые когда были представлены на театрах, а где, и в которое время напечатаны. В пользу любящих театральные представления. М., 1787. 166 с.
7. Херасков М.М. Творения, вновь испр. и доп.: [В 12 ч.]. Ч. 4. М.: Унив. тип., у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, 1798. 436 с.
8. Стенник Ю.В. Драматургия русского классицизма. Трагедия // История русской драматургии. XVII — первая половина XIX века. Л.: Наука, 1982. С. 58–99.
9. Гуковский Г.А. Русская литература XVIII века. М.: Гос. учебно-педагогическое изд-во Наркомпроса РСФСР, 1939. 527 с.
10. Запалов А.В. Творчество Хераскова // Херасков М.М. Избр. произведения. Л.: Сов. писатель, 1961. С. 5–56.
11. Кулакова Л.И. Херасков // История русской литературы: [В 10 т.]. Т. 4: Литература XVIII века. Ч. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 320–341.
12. Пастушенко Л.М. Драматургия М.М. Хераскова. Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1974. 118 с.
13. Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен. Ч. 4. Кн. 5. М.: Тип. Моск. ун-та, 1843. 545 с.
14. Карамзин Н.М. История Государства Российского: [В 12 т.]. Т. 10. СПб.: Тип. Н. Греча, 1824. 460 с.

REFERENCES

1. Kheraskov, M.M. *Borislav, tragediya* [Borislav, Tragedy]. *Rossiiskij Featr, ili Polnoye sobraniye vseh rossijskikh featralnyh sochinenij* [The Russian Featrum, or the Complete Collection of All Russian Featrical Works]. Part 4. St. Petersburg, 1786, pp. 165–222. (In Russ.)
2. Pushkin, A.S. *Polnoye sobraniye sochinenij v 20 t. T. 7: Dramaticheskiye proizvedeniya* [The Complete Works in 20 Vols. Vol. 7: Dramatic Works]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2009. 1069 pp. (In Russ.)
3. Vinokur, G.O. *Sobranie trudov. T. 3: Kommentarii k “Borisu Godunovu” A.S. Pushkina* [Collection of Works. Vol. 3: Comments on “Boris Godunov” by A.S. Pushkin]. Moscow, 1999. 414 pp. (In Russ.)
4. Gorodecky, B.P. *Tragediya Pushkina “Boris Godunov”: Kommentarij* [The Tragedy of A.S. Pushkin “Boris Godunov”: Commentary]. Leningrad, 1969. 174 pp. (In Russ.)
5. Lotman, L.M. *Istoriko-literaturnyj kommentarij* [Historical and Literary Commentary]. Pushkin, A.S. *Boris Godunov*. St. Petersburg, 1996, pp. 129–359. (In Russ.)
6. *Dramaticheskij slovar, ili Pokazaniya po alfavitu vseh rossijskikh teatralnyh sochinenij i perevodov...* [A Dramatic Dictionary, or An Alphabetical Record of all Russian Theatrical Works and Translations...]. St. Petersburg, 1787. 166 pp. (In Russ.)

7. Kheraskov, M.M. *Tvoreniya v 12 ch. Chast 4* [The Works in 12 Parts. Part 4]. Moscow, 1798. 436 pp. (In Russ.)
8. Stennik, Yu.V. *Dramaturgiya russkogo klassitsizma. Tragediya* [Dramaturgy of Russian Classicism. Tragedy]. *Istoriya russkoj dramaturgii. XVII – pervaya polovina XIX veka* [History of Russian Drama. The 17th – first half of the 19th Century]. Leningrad, Nauka Publ., 1982, pp. 58–99. (In Russ.)
9. Gukovsky, G.A. *Russkaya literatura XVIII veka* [Russian Literature of the 18th Century]. Moscow, 1939. 527 pp. (In Russ.)
10. Zapadov, A.V. *Tvorchestvo Kheraskova* [Creativity of Kheraskov]. Kheraskov, M.M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Leningrad, 1961, pp. 5–56. (In Russ.)
11. Kulakova, L.I. Kheraskov. *Istoriya russkoj literatury: [V 10 t.]. T. 4: Literatura XVIII veka* [History of Russian Literature in 10 Vols. Vol. 4: Literature of the 18th Century]. Part. 2. Moscow; Leningrad, 1947, pp. 320–341. (In Russ.)
12. Pastushenko, L.M. *Dramaturgiya M.M. Kheraskova* [The Dramaturgy of M.M. Kheraskov]. Dis. ... kand. filol. nauk. Leningrad, 1974. 118 pp. (In Russ.)
13. Tatishchev, V.N. *Istoriya Rossijskaya s samyh drevnejshih vremen* [History of Russia from the Earliest Times]. Part 4, Book 5. Moscow, 1843. 545 pp. (In Russ.)
14. Karamzin, N.M. *Istoriya Gosudarstva Rossijskogo* [History of the Russian State]. Vol. 10. St. Petersburg, 1824. 460 pp. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 20 декабря 2021 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 13 января 2022 г.
Статья принята к публикации: 22 февраля 2022 г.
Дата публикации: 30 апреля 2022 г.

Received by Editor on December 20, 2021
Revised on January 13, 2022
Accepted on February 22, 2022
Date of publication: April 30, 2022